

Александр Андреев

СТЕПАН БАНДЕРА

в поисках Богдана Великого

Александр Радьевич Андреев
Степан Бандера в поисках
Богдана Великого
Серия «Эти невозможные люди»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8344975

*Степан Бандера в поисках Богдана Великого / Александр Андреев:
Авторское; Киев, Львов, Луцк, Ровно, Старый Угрюнов, Стрый,
Белополье; 2013*

Аннотация

Предыдущая работа Александра Андреева “Богдан Хмельницкий в поисках Переяславской Рады” рассказала о великолепной истории Украины и ее революции середины XVII столетия. В новой книге московского историка “Степан Бандера в поисках Богдана Великого” подробно и динамично рассказано о судьбе Организации Украинских Националистов и ее руководителей 1929–1959 годов. Девять частей книги содержат реконструкции украинской истории после казацкой эпохи, деятельности Симона Петлюры и жизни Украинской Народной Республики во время Гражданской войны 1918–1921 годов в бывшей Российской империи, взаимоотношений и борьбы ОУН с пилсудчиками, гитлеровцами и сталинцами. Значительная часть издания посвящена истории украинского национализма,

войне Украинской Повстанческой Армии и войск Народного комиссариата внутренних дел СССР во главе с Лаврентием Берией, убийственному противостоянию службы безопасности ООН и специальных групп НКВД УССР. Реконструкция-исследование подробно описывает жизнь и деятельность Степана Бандеры, приводит и анализирует его четкие и прозорливые работы, написанные с момента освобождения из фашистского концентрационного лагеря Заксенхаузена в 1944 году до его убийства отравой в Мюнхене в октябре 1959 года. Многие документы ООН и УПА, работы С. Бандеры и П. Федун-Полтавы в переводе автора публикуются на русском языке впервые.

Содержание

Предисловие	6
Старый Угринов, перед рассветом, 1920-е годы	10
1909–1927 годы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Андреев

Степан Бандера в поисках Богдана Великого

История – это то, что было, а не то, чего бы хотелось.

Слава Украине! Героям слава?

Легендарная реконструкция украинского исторического урагана

– Что ты делаешь, Степан?

Нельзя в союзе с фашистом победить сталинца!

Симон говорил, что у нас должны быть чистые руки. Бейлихо, ты погубишь доверившихся тебе людей, а значит, погубишь и дело!

На долгие годы погубишь!

– Как Кремль с нами – так и мы с Кремлем. Там, где нет закона – нет и преступления. Если они забирают чужие жизни – пусть будут готовы отдать свои.

– Если среди людей есть верные сталинцы, это не значит, что таким же негодяем должен быть и ты.

– Я не негодяй. Просто я не могу иначе. Будь они оба прокляты.

Предисловие

За несколько месяцев до убийства весной 1959 года Степан Бандера писал в своей работе, посвященной тридцатилетию образования ООН: “Среди страшной круговерти Второй мировой войны Украина своей позицией и борьбой показала, что в любой ситуации не будет пассивным объектом и чьей-либо колонией, но всегда будет бороться за свою независимость. Это прежде всего засвидетельствовала борьба на два фронта – одновременно против гитлеризма и большевизма. Эту борьбу организовала, направляла и несла Организация Украинских Националистов. Самым сильным проявлением этой борьбы стали действия Украинской Повстанческой Армии во время войны и первых послевоенных лет”

Московский автор просто, ясно, доказательно и лаконично рассказывает о сложной истории разделенных в конце XVII века более, чем на два столетия, Западной и Восточной Украинах, о появлении и распространении национально-освободительного движения в XIX веке на обеих сторонах Днепра, о революции и гражданской войне 1918–1921 годов на Украине, о том времени, которое в советской историографии было принято называть Петлюровщиной, о противостоянии Главного атамана Директории УНР Симона Петлюры и председателя Генерального секретариата Центральной Рады Владимира Винниченко, ничем хорошим для

их родины не закончившимся, о Польше 20-х и 30-х годов XX века во главе с “начальником государства” Юзефом Пилсудским.

Учеба Степана Бандеры в Стрыйской гимназии, а затем во львовской Высшей Политехнической школе, его самообразование и семейные традиции, контакты с Украинской Военной Организацией и совсем раннее участие в революционном движении закончились в 1929 году его вступлением в только что созданную Организацию Украинских Националистов. В книге подробно и ясно описано рождение и развитие украинского национализма, политические убийства ОУН польских и сталинских одиозных чиновников, поведение оуновцев на судах и в тюрьмах, в результате чего численность националистов увеличилась в десять раз и стала чрезвычайно эффективной. Противодействие ОУН сталинскому Голодомору в Советском Союзе сделали это ужасное и скрываемое властями преступление известным во всем мире, а пилсудскую “санацию и пацификацию” повернули против навсегда шляхетской Польши. Двухнедельную кровавую точку в безнадежно тупоумной политике пилсудской Варшавы в сентябре 1939 года поставил довольный и почти неостановимый гитлеровский Берлин, которому выдержанно подмигнула безжалостная сталинская Москва.

Новый тяжелейший этап истории Организации Украинских Националистов начался взрывом ее создателя сталинскими агентами и войной с гитлеровской Германией, успеш-

но покорявшей Европу. За провозглашение 30 июня 1941 года во Львове Акта независимости Украины фашисты объявили ОУН вне закона, убили несколько тысяч ее членов, а самого Бандеру посадили в концентрационный лагерь Заксенхаузен. После этого почти разгрома ОУН смогла продолжить борьбу за свободу родины совсем не так, как планировала и могла. Борьба на два фронта с могущественными врагами нанесла колоссальный урон ОУН.

В книге подробно рассказано о созданной ОУН Украинской Повстанческой Армии, ее борьбе с гитлеровцами, а затем со сталинцами. Подробно и ужасно описано противостояние служб безопасности ОУН и специальных команд НКВД СССР, которое даже из исторического далека плохо видно из-за огромных пролитых кровавых потоков, которые лились по Украине более десяти лет. Не забыта и провокаторская деятельность польской Армии Крайовой, вызвавшая не только Волынскую резню, но и страшный разгром Варшавского восстания и полуспокойный уход вермахта от Вислы и Днепра под ударами Советской Армии.

Подробно рассказывается о послевоенной деятельности Степана Бандеры и его ОУН после Великой Отечественной войны, о так называемой “оппозиции” Льва Ребета, о попытках уничтожения руководителя Организации Украинских Националистов за обоснование распада и развала Советского Союза еще до конца XX века, что вызвало бешеную ярость верных сталинцев.

“Таскал волк овец, – потащили и волка”, повторял украинскую пословицу Степан Бандера, хладнокровно убитый за это в подъезде мюнхенского дома верными сталинцами, которых и самих потащили на суд истории. Степан Бандера хорошо знал слова великого политика Уинстона Черчилля, сказанные им после глубокого раздумья: “Нет ничего хуже, чем терпеть несправедливость и насилие из-за страха войны. Если вы не способны защитить свои права от посягательств агрессора, его требованиям и оскорблениям не будет конца. Война – это ужасно, но рабство еще хуже”. Ни войны и ни рабства не должно быть в истории Украины. Беларуси и России.

Старый Угринов, перед рассветом, 1920-е годы

“От негасимых жарких очагов несло тошнотворным пеклом. Иван IV Ужасный

заботливо поправил жесткую подушку под головой у очередного невинно казнимого, мучавшегося на огромной, медленно раскалявшейся сковородке, и с удовольствием подумал, что эти круглые жаровни, специально придуманные им для любимых неспешных казней, надо делать побольше. Вон, окольный не вмещается, пришлось ему ноги перебивать, чтобы положить на сковороду как положено в необъявленном приговоре.

Самовластный сегодня отделал довольно безвинных людей, из тех, кого он лично ненавидел, потому что они были умнее и честнее его. Теперь можно ложиться спать. Эй, холпы, вечернее питье мне.

Опричная сволочь уже несла своему доброму государю кубок еще теплой, почему-то дымящейся крови, только что нацеженной у казнимого. Царство самодержавного упыря, по своему образу и подобию клепавшего нескончаемых упырят и упыренков, кормившихся только людскими страданиями, отлажено функционировало в этой ужасной середине XVI века, мерно и бессмысленно стучало и тикало, как высо-

кие позолоченные куранты, которые еще не знали, что внутри у них все перетерлось и проржавело, и они вот-вот рухнут от огромного количества налипшей на них человеческой крови.

Ну вот, теперь хорошо. Теперь спать. Ужасный отбросил опустивший кубок, привычно пойманный постоянно-временным холуем, и вдруг вздрогнул. Сегодня он совсем не куражился над верой, и это было нехорошо. Иван потянулся за Святым Письмом, попробовал его взять липкими от крови пальцами, не удержал и уронил на александровский пол. Первая книга глухо ударилась о слободские половицы и сама открылась на какой-то не раз читанной прежним владельцем странице. Ужасный с непонятно откуда появившейся на тугой поднял Письмо, и его постоянно опухшие от злобы и жадности глаза сами наткнулись на четкие строки: “Сказано – не убивай, кто же убьет, подлежит страшному суду”.

Иван побледнел. Он давно уже был мистиком и поэтому подумал, что эти слова говорят о конце не только его и его династии, но и о страшной, неотвратимой и по его вине приближающейся Смуте. Впрочем, Смута его не интересовала. Вурдалаков волнует только то, что касается их личной свободы, которую они привычно объявляют всеобщим и универсальным авторитетом. Ужасный попытался об этом подумать, но у него как всегда ничего не вышло. Тот, кто убивает, думать не может. На всякий случай Иван решил подняться и

отделать еще троих невинных, чтобы количество убитых в этот день совпало с числом его бесконечных самодержавных титулов. Мысль была хороша. Ужасный сразу успокоился и пошел доотделывать. Вот как славно, а то вечер чуть не пропал даром!”

Степан Бандера с трудом оторвал глаза от рукописи и долго яростно молчал. Вот откуда пошло это неменяемое самодержавие. Значит, дело не в форме правления и династии, а в том, кто сидит на этом высоком кресле, услужливо называемым тронем. От слова “тронуться”, наверно. Приходит правитель, в России, в Польше, на Луне, и начинает убивать, обязательно безнаказанно, своих подданных, при этом мерзко заявляя, что у него на это есть непонятно откуда взятое высшее право. Таких государей быть не должно, но именно таких и много. Степан подумал, что история давно перечислила все способы недопущения подобной мрази к престолу. Он уже давно знал, что должен сделать так, чтобы взявшийся из чужой страны упырь на троне или трибуне не издевался над его соотечественниками. Степан только сначала хотел понять, как там все было после Богдана, и почему не получилось у Симона.

1909–1927 годы

**“Почему не получилось у
Симона?” Молодой Степан из
семьи “революционера в рясе”**

Украина после Богдана Великого

Лошади устали больше бойцов, которых поддерживала в седлах только надежда на скорый отдых. По херсонским степям из под всё ещё польского Львова-Лемберга медленно ползла в Крым сплошь перевязанная и совсем недлинная лента Первой Конной армии, сильно поредевшей в неудачную польскую компанию 1920 года. Мрачное, но совсем не безысходное настроение бойцов было хорошо видно на их смертельно усталых лицах, покрытых многодневной щетиной.

Вот, наконец, и лес, на опушке которого на привале можно развести костры, помыться, поесть горячей еды, привести в живое состояние едва передвигавших ноги боевых коней. Будёновцы оживились, и по рядам прокатилась рябь шуток и коротких смешков.

Вдруг резко зашумел совсем близко стоявший лес, из ко-

торого быстро выходили и выстраивались для атаки конные сотни не по форме одетых всадников. Несмотря на лесной сюрприз, опытные красные кавалеристы, конечно, успели развернуться для встречного боя. Через минуту две конные лавы с гиканьем и свистом влетели друг в друга, перемешав так и не успевшие начать стрельбу тачанки. Первую Конную армию перед уже совсем близким Крымским полуостровом с размаху встречала Повстанческая дивизия атамана Лютого-Гонты. Страшная рукопашная схватка-резня тысяч и тысяч всадников разразилась на насквозь пропеченной солнцем херсонской земле.

Буденовцы в яростном бою на лесной херсонской опушке сумели отбиться от не поддержанных соседними атаманами сотен Лютого, отдохнули, поучаствовали в разгроме группировки белого генерала Врангеля в Крыму, а потом и в боях на внутренних фронтах необъятной родины. С атаманами зеленых было покончено вскоре после победы над армией Украинской Народной Республики во главе с Директорией Симона Петлюры.

Заросшие густым лесом и похожие на ущелье глубокие и широкие овраги-балки тянулись по украинской земле от Днепра чуть не до самых Карпат. Почти непроходимые от разросшихся куп деревьев яры были украшены громадными раскидистыми дубами, ясенями, грабами, березами и столетними липами, из которых веками делались великолеп-

ные многометровые казацкие чайки, бравшие на борт десятки чубатых бойцов. Сотни холодных и прозрачных родников, речушек, речек с чистой водой давным-давно дали название обширному Холодному Яру, ставшему в 1918 году партизанским и повстанческим центром Украины. Сюда собирались тысячи и тысячи селян, измученных мародерством, грабежами, хаосом и анархией мировой и гражданской войн и революции, катившейся из конца в конец вдруг умершей Российской империи. Из Холодного Яра раз за разом вылетали в далекие и близкие рейды конные сотни селян, за долгие военные годы прекрасно научившихся владеть не только огнестрельным, но и холодным оружием, которые возвращались назад с успехом или израненные, лечились и отдыхали, набирались сил перед новыми боями. Во главе повстанческих отрядов стояли атаманы Пугач, Заболотный, Орлик, Блакитный, Яблочко, Загородний, Клепач, знаменитый Зеленый, давшие название всему партизанскому движению, Лютый-Гонта и десятки других.

Иван Макарович Лютый-Гонта, родившийся на Черкасщине в селе Толмачи, окончил омскую школу прапорщиков и участвовал в боях Мировой войны, ещё не зная, что она Первая, потому что не последняя. В 1918 году, уже в гражданскую войну, украинская Директория назначила его командиром 23-го Черкасского куреня, с которым Гонта воевал в составе Запорожской дивизии, был ранен, заболел ти-

фом и попал в госпиталь Умани, которую в тот момент захватили большевики.

Больной и худой как тень Лютый чудом сумел бежать от расстрела, пробрался на родину и возглавил партизанский отряд, быстро набравший семьсот сабель. Повстанцы во главе с боевым офицером совершали антибольшевистские и антибелогвардейские рейды не только по Черкасской, но и по Елисаветградской и Херсонской областям-губерниям, везде воюя с красными и деникинцами.

Белогвардейцев скоро не стало, и большевики для борьбы с отрядом Лютого смогли отправить полностью укомплектованную дивизию. В селе Мокрая Каличарка политические комиссары со штыками наперевес согнали на выгон все её мужское население, которое называли сообщниками повстанцев, и с удовольствием расстреляли каждого десятого жителя – 17 украинцев и 5 евреев, привычно применив на практике свой любимый людоедский принцип коллективной ответственности невиновных за якобы виновных.

Вернувшийся ночью из рейда отряд Лютого быстро выяснил расположение и количество красных. На рассвете хлопцы тихонько сняли их боевое охранение и дотла разнесли карательную дивизию, не успевшую насладиться безнаказанностью за убийство незащитных людей: «Мало кому из красноармейцев, многие из которых убегали в белье, а некоторые со своими девками, посчастливилось спасти свою жизнь».

Атаман-офицер Лютый несколько раз пытался собрать партизанские и повстанческие отряды в единый кулак-фронт, чтобы атаковать большевиков вместе с петлюровцами, но многочисленные атаманы с бесконечными амбициями не хотели объединяться не с собой во главе, при этом зная, что вскоре их разобьют поодиночке, и не делая исключения из народной поговорки: «Где два украинца – там три гетмана». Лютый боролся с большевиками сколько мог, сумел уйти в эмиграцию и записал там свои воспоминания, с боями дошедшие до нашего времени.

Степан Бандера расстроено закрыл толстую тетрадь. Солнечное летнее утро уже вовсю било в окно общежития, и не выпавшему студенту Львовской Политехнической школы пора было уходить на занятия. Степан спрятал тетрадь в самодельный тайник и с переполненной прочитанным головой побежал на лекции, одновременно сумбурно записывая в мозгу на вечер, что национализм может стать не только причиной подъёма и взлета народа, но и привести к гибели державы, её деградации, к слезам и крови сотен тысяч ни в чем не повинных людей, просто живущих выбранной ими жизнью:

«Третий закон Ньютона говорит, что сила действия равно противодействию. Пилсудчики не достойны управлять не только чужой Западной Украиной, но и своей Великой Польшей, потому что с трудом думают только о своей выгоде, а

не о долге перед гражданами страны. Надо абсолютно беспощадно защищаться от беззакония, лжи и бесчестия оккупантов, но националистическое движение обречено, если в него не вовлечен народ. Если люди долго ждут кары своим палачам, они накапливают зло и взрываются убийственным мятежом, засасывающим в смерть и правых и виноватых. Значит, все зависит от участвующих в революции людей?

Необразованный и невежественный народ – лучший материал для оккупационного порабощения. Образовать его чужие власти не дадут никогда, да и свои к этому совсем не стремятся. Император Николай I с удовольствием повторял: «В России при мне царит полная свобода, ибо каждый верноподданный может думать, что хочет. Лишь бы не болтал». Вслед за ним разговорился и первый канцлер объединенной Германии Отто Бисмарк: «Каждый немец по закону имеет право болтать всё, что придёт ему в голову, но пусть он только попробует это сделать!»

Интересно, какое будущее ждет эти две страны? Очевидно, это зависит от того, будут ли ими руководить достойные вожди, воплощающие в себе энергию нации. Да кто же подпустит умных и талантливых руководителей к высшей государственной власти в странах, где так относятся к свободе слова! Когда речь идет о таланте, особенно политическом, злоба и зависть властных бездарей никогда не соблюдают правил приличия и умеряют свое бешенство, только до конца насладившись своей низостью.

Националистическое движение обречено, даже если в него вовлечен невежественный народ, предпочитающий свои местечковые интересы теоретическому счастью для всех? А образованный народ вообще захочет подниматься на убийственную революцию? Ладно, хватит теорий, им до практики как до Луны. Как там Александр Олесь писал об украинском 1917 годе:

“Усі за меч! На бій кривавий
За край, за волю, за своє!
Наш ворог, хижий і лукавий
Вже кров по наших селах лле.
Руйнує, нищить і грабує
Ордою диких розбишак,
Борців разстрілює, катує,
Скидає в яму як собак.
За меч! За меч! Нехай поляжем...
На те настали скрізь жнива!
Але і смертю ми скажем,
Що Україна ще жива!”

Степан Бандера родился в праздничное 1 января 1909 года в Старом Угринове Калишского повета Станиславского воеводства, входившего до ноября 1918 года, как и вся восточная украинская Галичина и Волынь, в состав Австро-Венгерской империи. Его отец Андрей Бандера (1882–1941) служил греко-католическим, униатским священником

в селах Стрыйской округи, дед Михаил, женившийся на Розалии Белецкой, служил там же пономарем.

Мать Степана, Мирослава, была дочерью униатского священника из Угринова Владимира Глодзинского, женатого на Екатерине Кушлик. Со стороны матери в роду Степана было много общественных и гражданских деятелей, организаторов сельских хозяйственных обществ, известных экономистов, депутатов парламента в столичной Вене.

Андрей Бандера происходил из семьи сельских священников, совершенно не интересовавшихся политикой, но, возможно, под влиянием жены, изменил родовую традицию. Он беспокоился о благополучии своих прихожан. Когда во время большого пожара у трехсот местных жителей сгорели хаты, отец Андрей сумел получить для них помощь, что было совсем не просто. Он пользовался уважением во всей округе, которое затем подтвердил и своей гибелью, горячо воспринимал все происходившее на Западной Украине в начале XX века. Отец Андрей за свои резкие комментарии оккупационной политики польских властей попал под негласный надзор полиции, а в народе его стали называть “революционером в рясе”.

Свадьба Андрея Бандеры и Мирославы Глодзинской произошла в 1906 году, и в их счастливом, но не очень продолжительном браке родились дети Марта, Степан, Александр, Володимира, Василий, Оксана и Богдан. Все братья Степана во главе с отцом погибли в фашистских концентрационных

лагерях, тюрьмах НКВД, младший во время охоты на него гестапо пропал без вести, а сестры ни за что отсидели почти всю жизнь в лагерях НКВД СССР. “Революционер в рясе” заплатил за свои убеждения почти всем своим родом.

Детство Степана Бандеры орудийными залпами прервала Первая мировая война, за которой без перерыва последовали почти незаметная революция и ужасающая гражданская война, четыре раза протащившие свои фронты через мирный и спокойный Угринов. Школа в местечке, конечно, закрылась, и детей Андрея и Мирославы Бандер учили домашние учительницы. Немного позже, уже во время учебы в одной из уцелевших под польской оккупацией украинских классических гимназий, юный Степан смог разобраться, что же происходило с его родиной после Революции середины XVII столетия.

К 1657 году почти половина населения украинской Гетманщины, около миллиона человек, стали свободными казаками. Любой селянин или мещанин, способный нести военную службу, мог записаться в один из шестнадцати казацких полков, из земель которых состояла автономная Украина в составе Московского царства, и получить право землевладения, освобождение от налогов и право выбора в казацкую старшину, даже самую высокую.

Прогнав польскую шляхту, все посполитые отвоевали личную свободу, возможность распоряжаться своим имуще-

ством и жить в любом месте Гетманщины. Большая часть возвращенных от польских магнатов и королей земель Украинская революция передала сельским поселениям, которые платили за нее налоги в войсковую казну. Половина земель принадлежала селянам, треть казакам и одна пятая украинской церкви.

Автономная часть Восточной Украины в составе Московского царства могла достаточно спокойно строить свою государственную жизнь, но все пошло совсем не так, как хотела это сделать Украинская революция. К 1680 году ее победы и достижения были фактически сведены к нулю неспособностью сказавшихся у власти старшин объединиться для достижения народного блага. Многообещающая возможность политического самоопределения была утрачена на века.

Десятилетняя война со шляхетской Польшей за свободу и само право на существование украинского народа, положив в сырую землю героев Богдана Великого, породила новую казацкую политическую элиту, которая совсем не была однородной. Реальная власть в Гетманщине сосредоточилась в руках трех старшинских группировок – бывших рестровиков, начинавших с Богданом Хмельницким Украинскую революцию 1648–1657 годов; показавшихся шляхтичей, присоединившихся к первому и последнему великому гетману в ее ходе; и бывших простых казаков, селян и мещан, ставших командирами войска.

Пока был жив Богдан Великий, он сглаживал противоречия между старшиной и казачеством, но после его ранней гибели от нервного переутомления, амбиции новых генеральных старшин и полковников, желавших захватить лично себе и гетманскую булаву и богатства Украины, сорвались с хмельницкой цепи. «Новые старшины» ринулись умножать и прибавлять свои земли, богатство, а значит и влияние за счет всего населения Гетманщины, быстро расколов его на многочисленных полковников, сотников и множество родовых казаков и селян – посполитых.

Избранный с помощью собственных интриг гетманом многоликий генеральный войсковой писарь Иван Выговский попытался вернуть Восточную Украину в состав Речи Посполитой на выгодных для себя лично условиях, и против этого безумного плана тут же восстали казаки во главе с полтавским полковником Мартином Пушкаренко и запорожцы с кошевым Яковом Барабашом. Гетманский авторитет и возможности войсковой казны были очень велики, и дело кончилось тем, что летом 1658 года две казацкие армии совсем недавних братьев по оружию сошлись в смертельной гибельной битве, чтобы загнать народную силу и славу в гроб совершенно никому не нужных Выговских амбиций. В сражении в родной украинский чернозем лег Мартин Пушкаренко и пятнадцать тысяч казаков и запорожцев. В течение двух лет Иван Выговский во главе денег и наемников убил

лучшую в Восточной Европе армию, с колоссальными трудами созданную Богданом Великим, уложив в землю пятьдесят тысяч закаленных бесконечными битвами казацких бойцов, и не будет за это ему прощения во веки веков ни на этом, ни на том свете.

От все сокрушающего войска Богдана Великого остались одни израненные обломки, и теперь государственные соседи могли делать с безоружной Гетманщиной все, что хотели, радуясь, что так не сбылась мечта великого гетмана, не раз говорившего, что только стотысячная казацкая армия может собрать в единое целое все украинские этнические земли.

Из бездарного союза Выговского с польскими королями, само собой ничего не вышло, ибо магнаты Польской Короны никогда не выполняли обещанного. Под напором героя Украинской революции Ивана Богуна и его совсем немногочисленных соратников в октябре 1659 года убийственный Выговский с трудом отказался от бирюзовой булавы и страусиных перьев на гетманской шапке, и бежал в Польшу, где совсем скоро был расстрелян шляхтой за то, что не успел до конца разрушить все то, что построил Богдан Хмельницкий.

Десяток следующих украинских гетманов – Ю.Хмельницкий, которого народ сразу же заслуженно переименовал в Хмельниченко, чтобы историки не спутали его с великим отцом, П.Тетеря, И.Брюховецкий, П.Дорошенко, Д.Многогрешный, И.Самойлович, и их многочисленное окружение

активно удовлетворяли свои личные амбиции и потребности за счет всего украинского народа и достижений его революции. С не очень понятным удовольствием доносили они друг на друга в Москву, раз за разом, отдавая в угоду своим ничемным интересам автономные права Восточной Украины, которые у них Кремль совсем не вымогал никаким выкручиванием бывших казацких рук, а только дивился, с какой легкостью рушится прежнее величие Гетманщины, добытое потом и кровью Богдана Великого и его героев.

В результате действий украинских гетманов, активно поддержанных соседними государствами, после ужасающей и совсем не обязательной Руины, к 1696 году совсем недавно великолепная гордая и умная республика была разделена на московскую левобережную и польскую правобережную Украину и это был конец удивительной государственности, совсем не взволновавший ее новый правящий слой. Причем тут украинский народ и его держава, если я хочу удовлетворить свои бесчисленные частные желания, а после меня – хоть потоп!

К концу XVII столетия новая гетманская старшина за счет автономии державы успешно приватизировала свои прежде выборные посты, само собой, вытеснив из своих нестойко-монолитных рядов еще оставшихся в живых войсковых командиров из простых казаков, удалив все Войско Запорожское от принятия и утверждения не только стратегических, но и тактических решений. Погибших смелых, реши-

тельных и умных героев Украинской революции середины XVII века в начале следующего столетия сменили лицемерные прагматики-демагоги, беспокоящиеся совсем не об отчизне и народе, но только о своих землях, доходах, выгодах и больше всего боящиеся потерять свое псевдо привилегированное положение удельного наместника под сапогом далекого хозяина.

Последний гвоздь в гроб украинской автономии в составе Московского царства вполне осознанно вбил гетман Иван Мазепа, забыв, что предавать нельзя никогда, даже ради самых высоких целей, и не сумев понять гениального Петра Великого, сменившего в конце XVII века, наконец, в Кремле своих боярских брата, отца и деда.

Иван Мазепа стал гетман в 1687 году на войсковой раде под Коломаком. К тому времени почти бывшая казацкая республика Гетманщина уже занимала только треть территории державы Богдана Великого. Московские власти, видя, что творили со своей автономией украинские гетманы и их окружение, решили, наконец, ввести на Днестре прямое правление Кремля.

Православный шляхтич из Белой Церкви Иван Мазепа, как и Богдан Хмельницкий, получил великолепное образование в коллегии ордена иезуитов Игнатия Лойолы. Попав на службу к королю Польши, он набрался при дворе опыта политических интриг, в одной из которых, кажется, проиг-

рал, и совершенно случайно и вынужденно попал на службу к левобережному гетману Ивану Самойловичу.

В 1687 году отличное образование, иезуитская школа, опыт политических интриг, дипломатический талант, обаяние, привлекавшее к нему людей, и, конечно, обязательная колоссальная взятка фавориту правительницы Московского царства Софье – Василию Голицыну, принесли пятидесятилетнему Ивану Мазепе булаву урезанной донельзя Гетманщины.

Часто ездивший в Москву гетман стал почти другом двадцатилетнего Петра Первого, сумевшего в жестком противостоянии 1689 года с сестрой взять единодержавную власть в раздрызганном до уже не раз отодвинутого упора Московском царстве. Царь и гетман много беседовали, и современники писали, что «Петр скорее не поверит ангелу, чем Мазепе». Украинский гетман совершил с Петром более десяти военных походов, получив из его рук второй по счету орден Андрея Первозванного и стал доверительным лицом царя в польских, турецких, крымских и, конечно, украинских делах. Петр Первый прекрасно знал, что такое казацкие слава и честь, и то, что среди казаков предателей не бывает.

В разгар русско-шведской Северной войны за Балтийское море фастовский полковник Семен Палий поднял антипольское восстание на Правобережной Украине и упорно держался в Белой Церкви, раз за разом отбиваясь от атак коро-

левских хоругвей, выполнявших уже, похоже, сотое постановление сейма об уничтожении казачества. Поскольку у короля Речи Посполитой были традиционные вековые проблемы со стратегическим планированием военных операций, шведская армия короля Карла XII в 1702 году легко взяла оставшиеся без сильного боевого охранения Варшаву и Краков. Под ее напором, оставшиеся еще в строю польские вооруженные отряды откатывались на украинские Галичину и Волынь, дав им невразумительное название Малой Польши.

Иван Мазепа, конечно, грамотно использовал сложившуюся военно-политическую ситуацию в Речи Посполитой. Пятидесятитысячная казацко-наемная армия Гетманщины заняла бывшие под Польшей Киевщину и Волынь, объединив, наконец, под мазепинской булавой оба берега Днепра. Гетман-аристократ Иван Мазепа не захотел объединяться с народным героем-демократом Семеном Палием и совершил стратегическую ошибку, которая изменила его судьбу.

Мазепа грязным обманом, совершенно четко и недвусмысленно опозорившем его на всю Украину, захватил Палия, тут же отправил не него лживый поклеп слепо доверявшему казацкому гетману Петру, после чего сослал героя в Сибирь, навсегда оттолкнув от себя рядовое казачество подлостью и лицемерием. Иван Мазепа, совсем не веривший, как Богдан Великий, в украинский народ, за четыре года до Полтавской битвы сделал очень много для того, чтобы проиграть в ней остатки автономии Украины. Эмо-

ции и амбиции при принятии стратегических решений всегда мешали правителям удерживать государственную власть. На эмоционального и амбициозного семидесятилетнего гетмана, окруженного уже не героя казаками, а наемными сердюками, неотвратимо накатывался 1708 год.

Русская армия запланировано откатывалась из Беларуси под мощным шведским навалом. Казалось, молодое детище Петра было обречено на полный и окончательный разгром. Иван Мазепа эмоционально сделал ложные выводы о поражении Москвы в войне с сильнейшим шведским королевством и решил заранее сменить государственного покровителя для Гетманщины, не спросив мнения казачества, и это была его вторая и последняя стратегическая ошибка.

Переговоры гетмана Мазепы и короля Карла XII шли в течение 1706 и 1707 годов и закончились подписанием тайного договора, по которому никакой политик Карл XII обещал Гетманщине все то, что не мог обеспечить никогда, само собой, взамен казацкой помощи для войны с отчаянным Петром.

Мазепа почему-то надеялся, что шведы отодвинут русских до Москвы, разобьют и в Кремле заключат мир на своих условиях, после чего Гетманщина под руководством мудрого старца станет независимой, конечно, не *de jure*, но хотя бы *de facto*, под далеким шведским патронатом. Он, конечно,

знал о словах Богдана Великого, что «никогда точно не бывает так, как задумано».

Все пошло не так, как задумал Мазепа, не увидевший во время частых встреч с Петром его гения. Для управления не только независимым, но даже каким-нибудь государством мало быть ловким тактиком, дипломатом и недальновидным политическим вождем.

Используя в Беларуси тактику выжженной земли с предварительным прикрытием местного населения, русская армия оставила шведскую без продовольствия и ночлега. Понимая, что без снабжения войск далеко не ускачешь, Карл XII резко и неожиданно повернул сорокатысячную армию на юг, на нетронутые войной украинские земли, к своему договорному союзнику, предусмотрительно накопившему в гетманской столице Батурине огромные запасы продовольствия, фуража и военного снаряжения, для своих сердюцких охранных полков и всего казаяества, которое могло поддержать Ивана Мазепу.

Тайная гетманско-королевская дружба неожиданно стала явной. Петр поначалу даже отказывался верить в очевидную политическую глупость казавшегося таким умным гетмана-советника, так неожиданно и невыгодно для себя и Гетманщины на пустом месте потерявшего все и вся.

Борясь с армией Карла XII на пределе своих и государственных сил, Петр никак не мог прислать на Днепр ни одно-

го солдата для защиты Украины от шведов, доверив всю оборону Мазепе. Гетман, слегка атакуемый малочисленными хоругвями сторонников шведского короля Станислава Лещинского, сделал вид, что Москва нарушила свои договорные обязательства оборонять Гетманщину от внешнего врага, а значит, и он может нарушить свою присягу Петру, забыв, что все было не так и вообще наоборот. Само собой, в подобную сказку не поверил никто по обе стороны Днепра, прекрасно понимая, что у символического гетманско-королевского союза нет не только политического, а вообще никакого будущего.

Напрасно в запоздавших воззваниях к народу, которого он почему-то держал за дурня, Мазепа двусмысленно писал, что восстал против Москвы «не для каких-нибудь личных целей, а чтобы вы, казаки, и край наш родной не погибли ни под москалями, с женами вашими, ни под шведами».

Украинский народ стал активно сопротивляться наглomu, конечно, шведскому агрессору, который вел себя на «союзной» Украине как ее враг, и за несколько месяцев сократил армию вторжения на треть, что очень порадовало Петра, потерявшего иллюзии дружбы и доверия своего гетманского советника. Известие о том, что среди украинских казаков могут быть предатели. Потрясло Петра Первого по-настоящему.

Даже половина личной сердюцкой гвардии отказалась подчиниться своему гетману, который привел к расстроив-

шемуся Карлу XII только пять тысяч человек вместо обещанных пятидесяти. От всей Украины это было почти ничего, и приход к Мазепе еще пяти тысяч запорожцев с кошевым атаманом Костю Гордиенко ничего не изменил.

Шведский король поначалу даже не принял оказавшегося слабым гетмана и не поторопился занять Батурин. Легкий корволант начальника русской кавалерии Александра Меншикова не опоздал и с налету взял великолепно укрепленную гетманскую столицу с отборным десятитысячным гарнизоном, сделав это чуть ли не на виду надвигавшейся шведской армии с помощью предателей-перебежчиков из города, и не имея возможности вывести продовольственные запасы и снаряжение, Меншиков сжег их вместе с Батурином и его шеститысячным населением, возможно, пытаясь стереть свидетелей своего оголтелого мародерства и грабежа. Подобного бесчеловечного приказа Петр ему, конечно, не отдавал, но Меншиков знал, что царь в ярости от личного предательства друга и советника, а значит, батуринская резня ему с рук сойдет, ведь огромные военные запасы, без которых любая армия является беззубой, Карлу XII несмотря ни на что не достались, хотя очень и могли, а победителей, которые за часы до подхода сильнейшего врага берут неприступные столичные крепости, с огромными запасами, не судят.

По всей Украине начались аресты и казни соратников Мазепы, и тех, кого их конкуренты – «доброжелатели» смог-

ли необоснованно внести в черные проскрипционные списки чинов, титулов, должностей, званий и поместий, освобожденных от прошлых владельцев. У зависти жадности много не бывает. В мае 1709 года царские полки разгромили кош шведской союзницы Запорожской Сечи, вскоре, впрочем, восстановленной.

27 июня 1709 года русская армия Петра Первого в отчаянно-сумасшедшей Полтавской битве разгромила шведскую армию Карла XII в дребезги и щепки. Шведов помогали громить царю и возвращенный из сибирской ссылки измученный Семен Палий и казацкие полки только что избранного нового левобережного гетмана Ивана Скоропадского. Иван Мазепа, вместе с Карлом XII бежавший в турецкую Молдавию, умер 22 сентября 1709 года от горя и краха своей длинной и богатой жизни, впрочем, принципиально не оставив ничего из своего огромного, пятого по размеру и еще не конфискованного состояния в Европе, своим пятистам товарищам по оружию, ушедшим с ним в первую украинскую эмиграцию. Ну что же. “ума нэ ма – счітай каліка”.

С лета 1710 года для надзора над новым гетманом и его старшиной на Восточной Украине появились резиденты Москвы, а в 1722 году была учреждена поделившая со старшиной власть Малороссийская коллегия. Спокойное поглощение Гетманщины Российской империей продолжалось почти до конца XVIII столетия. Украинская старшина вместо

опасной политики активно занималась хозяйственной деятельностью.

В 1764 году должность назначаемого украинского гетмана была ликвидирована вообще, через год казацкое самоуправление исчезло на Слободской Украине и на левом берегу Днепра, в 1775 году была официально закрыта Запорожская Сечь.

В 1781 году Малороссийская коллегия была распущена, а вместе с ней центральное полковое управление территориями бывшей Гетманщины и Генеральный суд. Левобережная Украина была разделена на три наместничества – Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, которые составили Малороссийское генерал-губернаторство, управлявшееся из Петербурга и Москвы. Еще через два года казацкие полки были заменены уланскими и карабинерскими и сразу же после этого посполитым селянам было запрещено уходить с тех мест, к которым они были приписаны во время последней ревизии. На Восточной Украине фактически произошло юридическое оформление крепостного права. Украинская старшина была приравнена к российскому дворянству, казачество осталось особым лично свободным военным сословием.

В результате трех разделов добившейся, наконец, этого своей убийственной политикой Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах, в состав Российской империи вошли

Брацлавщина, Житомирщина, Волынь, Подолия, Уманьщина, Запорожье и потемкинская Новороссия с Крымом. Галичина, Буковина и Закарпатье попали в Австро-Венгерскую империю, но большая часть Правобережной, вся Левобережная и Слободская Украина были впервые после долгих раздельных веков объединены в единое культурное, социальное и экономическое целое, хоть и под императорскими орлами.

Гетманщина закончилась, и только память о грандиозной эпохе героев Богдана Великого на века осталась в истории Украины как ее главное событие и вдохновляющий пример для новых поколений украинцев, несмотря ни на что мечтавших создать собственное государство. С конца XVIII столетия часть Западной Украины в составе Галичины, Буковины и Закарпатья стала жить и развиваться отдельно от остальной Восточной Украины.

К началу XIX столетия почти на ста тысячах квадратных километрах Левобережной Украины проживало 2 миллиона 300 тысяч человек, которые были разделены на 1 миллион 240 тысяч селян (54 %), 920 тысяч казаков (40 %), 92 тысячи городских мещан, 36 тысяч дворян (почти 2 %) и 15 тысяч священников (менее 1 %).

На семидесяти тысячах квадратных километров Слободской Украины жил один миллион человек, на почти двухстах тысячах квадратных километрах Южной Украины – Новороссии – еще один миллион человек.

На ста семидесяти тысячах квадратных километрах Правобережной Украины проживало 3 миллиона 400 тысяч человек, на 55 тысячах квадратных километрах украинской Восточной Галичины – около двух миллионов человек, на 5 тысячах квадратных километрах Буковины – 150 тысяч человек, в Закарпатье на 13 тысячах квадратных километрах – 250 тысяч человек.

Русификация Восточной Украины в составе Российской империи активизировалась при царе Николае Первом (1825–1855), справедливо, но очень сдержанно прозванном Палкиным и Солдафоном. При нем в России начали судить только «за преступный образ мыслей», создавая из петрашевцев и Герцена яростных революционеров и уверенно приближая ужасающий 1917 год. Николай Первый начал свое правление издевательствами и казнями декабристов шестиста офицеров и трех тысяч солдат, – а закончил общеевропейским позором Крымской войны. Досталось от него, само собой, не только России, но и Украине. Самодержавная система управления создает Петров Великих только в виде исключения.

В XVIII веке 80 процентов украинцев умели читать и писать, в XIX столетии 80 процентов украинцев были неграмотны. Благодаря деятельности Николая Первого и его придворного окружения начавшееся при нем украинское национально-культурное возрождение стало быстро политизи-

роваться. Почти в каждой украинской хате лежал «Заповіт» уникального Тараса Шевченко, которого самодержавие с удовольствием сделало мучеником:

«Поховайте, та вставайте,
Кайдани порвіте
І ворожой злою кров”ю
Волю окропіте!...»

В 70-х годах XIX века на Восточной Украине продолжали создаваться научные общества, занимающиеся изучением родной истории, этнографии, языка. В Киеве интеллигентно заговорила газета «Киевский телеграф». Уже действующее в Львове Научное общество имени Тараса Шевченко быстро становилось неофициальной украинской академией наук, развивавшей сотрудничество интеллигентов обеих Украин, хорошо образованных и культурных людей, зарабатывавших на жизнь умственным трудом.

Бюрократически-полицейский, а значит, бездушный имперский режим нервничал даже от подобной культурной деятельности своих «национальных окраин». Министр внутренних дел Российской империи Валуев «со товарищи» сделали все для того, чтобы 18 мая 1876 года император Александр Второй, находившийся на официальном отдыхе в маленьком немецком городке Эмсе, подписал указ, справедливо названный на Украине позорным.

Гербовая бумага с двуглавым орлом, почему-то стремившимся стать ободранной курицей 1917 года, запрещала родной язык миллионам людей от Днепра до Днестра и блокировала развитие не то что общественно-политической, но даже культурной жизни на имперской Украине, которая, как и Россия, само собой, стала быстро революционизироваться.

Эмский указ запрещал публикацию и печать украинских текстов, их ввоз из-за границы, запрещал украинский театр и стал официальным воплощением политической и социальной русификации Украины, о которой еще в июне 1863 года министр Валуев писал в тайном циркуляре десяткам тысяч своих сотрудников с параграфом в глазах и автоответчиком на губах:

«Никогда не существовало отдельного малороссийского языка, нет его и сейчас и никогда не будет. Этот диалект, которым пользуется простой народ, является российским, только испорченным польским влиянием. Российский, русский язык так же понятен малороссам, как и русским, они его понимают лучше, чем так называемую украинскую мову, которая теперь придумывается для них несколькими малороссами и особенно некоторыми поляками».

Первую политическую партию в Российской империи, «Народную волю», вместе с русскими Александром Михайловым, Николаем Морозовым, Львом Тихомировым возглавили и украинцы – крымский одессит Андрей Желябов,

нежинец Николай Кибальчич и правнучка последнего украинского гетмана Константина Разумовского Софья Перовская. В 1881 году народовольцы с седьмого раза и совсем не за медленные реформы, а за мучительные казни двадцати своих товарищей, взорвали императора Александра Второго, вошедшего в историю России Освободителем-Вешателем. На имперском престоле императора с двумя палочками сменил царь с тремя палочками, и самодержавная цензура Александра Третьего в сотый раз с наслаждением наступила на одни и те же грабли, начав в печатной фразе «наша Украина» вычеркивать слово «наша»: «пусть хоть и пишут и читают вместо слова «Малороссия» слово «Украина», но не знают, что это их страна».

Ужасающая революция с горами ни в чем не повинных трупов уже готовилась постучать в качающиеся от своего совсем не тяжелого веса двери успешно догнивающей самодержавной Российской империи, готовые рухнуть от первого грозного народного удара.

Туда и дорога.

После блистательного правления Петра и Екатерины Великих Российская империя жила на наследство, собранное этими гениями на престоле. Успешно заваливавший пропащее дело Павла Первого, Александра Первого, Николая Первого и Александра Второго Александр Третий в манифесте 29 апреля 1881 года, со страху перед «револьверщиками и

бомбистами» подписанном не в официальном Зимнем дворце блистательного Санкт-Петербурга, а в богом забытом Гатчинском царском имении, объявил в окружении бесчисленных колец охраны, что будет править только самодержавно и бесконтрольно в своей колоссальной стране, и без сотрудничества с многомиллионным обществом, а только с помощью произвола, жестокости и насилия: «Конституция? Чтобы российский царь присягал каким-то скотам?»

Бесконтрольное, а значит безумное самодержавие, активно и бессмысленно русифицирующее Прибалтику, Польшу, Украину, Среднюю Азию, успешно и массово отправляло в оппозицию все здоровые силы страны, которыми овладевало неверие в наличии у царского режима в голове здравого смысла, а растекавшиеся по огромному государству революционеры называли Российскую империю тюрьмой народов, и это была правда.

В 1897 году в киевской тюрьме из-за жандармских издевательств сожгла себя черниговская учительница Мария Ветрова. По Украине и по всей Российской империи прокатились мощные антиправительственные демонстрации. Власти начали масштабные обыски и аресты, за которыми следовали привычные административные высылки без суда и следствия. По украинским городам хватали действующих революционеров, тех, кто им сочувствовал и тех, кого по своим личным причинам отбирала полиция, жандармы и охран-

ка. Ведь нет ничего важнее собственного кармана, набитого на самодержавно-государственной службе и прикрытого фальсифицированной полицейской отчетностью с неизбежной ликвидацией несуществующей в реальности угрозы покушения на «самого». Именно за это неограниченная, а потому бесконтрольная власть дает чины, звания и денежные премии.

Когда количество виновных, полувиновных и совсем не виновных репрессивных подданных нарастающими стараниями ставшего никчемным самодержавия превысило критическую массу для здравого смысла, по всей Российской империи начали создаваться массовые политические оппозиционные партии. В 1900 году в Харькове была образована Революционная украинская партия, в которую почти сразу вступил двадцатилетний полтавчанин Симон Петлюра, через несколько лет попытавшийся объединить Восточную и Западную Украину в единое независимое государство.

Австрийская империя состояла из одиннадцати больших и разных народов и множества этнических групп, насильно объединенных династией Габсбургов в одно территориальное образование, справедливо названное «лоскутным одеялом». Восточная украинская Галичина была объединена с Западной польской, и ни к чему хорошему это не привело. В плодородной и перенаселенной имперской провинции все ключевые и хозяйственные должности были заня-

ты польской шляхтой и австрийскими чиновниками. Сто тысяч шляхтичей составляли чуть больше трех процентов населения Восточной Галичины. Еще десять процентов приходилось на триста тысяч городских мещан и ремесленников. Остальные три миллиона селян несмотря ни на что пытались выжить в искусственно самой бедной и отсталой провинции Австрийской империи Габсбургов.

Гонимая шляхта веками с удовольствием забирала у крепостных селян почти половину их совсем не большого, покрытого трудовым потом достоинства, постоянно сокращая их маленькие земельные наделы. Украинские крестьяне скудно питались в основном картофелем и капустой, в местечках чуть-чуть дышали необходимые для повседневной жизни ремесла, городов во главе со всегда гордым Львовом было наперечет, и со всем этим ничего нельзя было сделать, ничего нельзя было изменить.

Из-за неразвитой агрономии и примитивных сельскохозяйственных орудий, улучшить которые не было денег, галичанские селяне с большим трудом и неизбежными неурожаями выращивали треть того, что получали крестьяне Чехии, Венгрии и самой Австрии.

Средняя продолжительность жизни австрийских украинцев, с чудовищной детской смертностью, не достигала и сорока лет. Не только среднее, но и начальное образование населения находилось в зачаточном состоянии, чему активно способствовала панщина, составлявшая половину дней ка-

лендарного года.

Шляхта открыто, без всяких переживаний и оглядки на христианские заповеди, называла украинских селян низшей формой человеческих существ, которую нельзя совершенствовать. Для того чтобы обосновать подобную бесчеловечность, уродозное панство вынуждало забитых беспросветной работой людей ежемесячно выпивать определенную дозу низкокачественного алкоголя, монополистом по производству которого оно являлось. Набожные по виду, но не по естеству шляхтичи с удовольствием острили, что среди украинцев могут быть только холопы и попы.

Габсбурги без переживаний, свойственных только великим правителям, поддерживали жалкое состояние Галичины и части Волыни, заселяя их тысячами немецких и австрийских колонистов, в основном отставных военных, и разбавляя польскую шляхту имперским чиновничеством. Свое казавшееся вечным владычество «лоскутная империя» поддерживала антинародно-жестоким политическим, социальным, экономическим и общественным угнетением собственного населения.

После Великой Французской революции 1789–1794 годов в Европе начала активно действовать интеллигенция, формировавшая гражданские общества во многих странах. В абсолютистских империях австрийских Габсбургов, немецких Гогенцоллернов, русских Романовых хорошо образованные

и культурные люди, зарабатывавшие на жизнь собственным умственным трудом, разрабатывали механизм национально-го самосознания и прав личности, доказывая, что носителем суверенитета в государстве является народ, а не монархи-самодуры.

Учителя, литераторы, журналисты, инженеры, врачи, священники, которых становилось все больше, стали собирать исторические документы, фольклор своих народов, создавать музеи, возрождать и развивать национальные языки, литературу и искусство, создавать общественные и экономические организации.

В России и на Украине интеллигенция значительно увеличилась после отмены крепостного права в 1861 году. Все больше и больше людей с не очень доступным высшим образованием посвящали себя улучшению культурного, социального и экономического положения народа. «Новые люди», интеллигенты, генерировали свои идеи не только для дворянства, знати, чиновничества, но для всего общества в целом, для всех его сословий, имущих и бесправных.

Европейские революции середины XIX века силой принудили австрийских Габсбургов принять конституцию 1867 года, что необратимо привело к большому увеличению политической активности гражданского общества.

К концу XIX столетия 4 миллиона украинцев составляли четыре процента населения империи Габсбургов, с 1867

года ставшей Австро-Венгрией, что было совсем не мало. Они пытались и пытались строить свою жизнь в Галичине, которая была превращена австрийцами во внутреннюю колонию с незаметной промышленностью, незначительными капиталами, слабой внутренней торговлей, низким развитием немногочисленных местечек, низкой заработной платой и огромной безработицей местного населения.

В Восточной, Львовской Галичине жили украинцы, составлявшие более шестидесяти процентов населения, поляки, евреи, немцы. До самого конца XIX столетия девяносто пять украинцев из ста занимались сельским хозяйством, а еще один из ста работал в промышленности. Вся украинская интеллигенция, включая священников, не превышала пятнадцати тысяч человек, польская интеллигенция превышала пятьдесят тысяч человек. К началу XX века в Восточной Галичине высокопоставленных правительственных чиновников из поляков было более трехсот, из украинцев – менее тридцати.

Официально отмененное в Австро-Венгрии в 1848 году легальное крепостное право было заменено экономическим. В Галичине неуклонно росла стоимость жизни при постоянном падении доходов населения. Селяне платили помещикам за охоту, рыбалку, строительный лес, сбор дров, соби­рание грибов и ягод, за выпас скота на траве. Споры селян и помещиков, традиционно и без перерыва захватывавших общественные земли у народа, заканчивались в судах тради-

ционно в пользу шляхты, выигрывавшей девять процессов из десяти.

К концу XIX века восемьдесят процентов галичанских селян владели наделами, не превышавшими шесть акров, или несколько гектаров, что означало бедность. Кредит, деньги в долг, селяне могли получить только под неменяемые двести процентов годовых, оплата труда батрака была в четыре раза ниже, чем во всех других провинциях Австро-Венгрии. Алкоголизм в депрессивной Галичине достигал угрожаемых масштабов, заработки батракам помещики платили в основном талонами, за которые было можно получить продукты и товары только в шинках, принадлежавших землевладельцам, не стеснявшихся несусветных цен.

Во всей Австро-Венгрии одна больница приходилась на 300 жителей, в украинской Галичине – на 1200. Половина украинских детей не доживала до пяти лет из-за совсем не смертельных болезней и недоедания. Ежегодно на Львовщине от голода умирали и тысячи взрослых людей. В конце беспросветного XIX века западные украинцы стали массово эмигрировать в Канаду, Бразилию, США.

Во Львове, административном, экономическом и культурном центре Восточной Галичины, в котором в начале XX века проживало двести тысяч жителей, на украинском языке говорило только 15 % населения, еще 10 % говорили на немецком и 75 – на польском. Имперские власти доби-

вались инертности и пассивности подданных, наотрез отказывались разделить Галичину на польскую и украинскую. На Львовщине год за годом увеличивалось польское влияние, потому, что именно поляки занимали почти все государственные должности в системе управления, на почте и транспорте колонии – провинции.

Еще в 1859 году Вена ввела, в широко распространенной в Галичине и на Волыни украинской униатской церкви, латинский календарь. Для совсем не многочисленных украинских изданий также в приказном порядке применяли латинский алфавит. Из древнейшего Львовского университета выдавливали украинских абитуриентов и студентов, в украинских школах учили на польском языке.

Дело, к счастью, далеко зайти не успело. В том же 1859 году имперско-республиканская Франция в Италии разгромила усталую Австрийскую монархию. Вене пришлось считаться с законами 1848 года, готовить конституцию 1867 года, и открыть в столице и провинциях главный парламент и парламентские собрания – сеймы и ассамблеи, выбиравшие депутатов, продержавшиеся, правда, только до 1873 года, когда, казалось, последствия революций середины XIX века были стерты с имперского лица.

Сто пятьдесят депутатов первого галичанского сейма представляли семьдесят четыре не самых богатых помещика-землевладельца, 44 очень богатых магнатов, 28 городских богатых мещан из магистратов и ратуш, и три купца. Один

выборщик избирался от пятидесяти шляхтичей-землевладельцев и от десяти тысяч селян. В галичанском сейме украинцев было только двадцать, а в главном венском парламенте еще меньше. Габсбурги, за поддержку польских магнатов в трудных 1848–1867 годах, фактически разрешили им на бывших землях Речи Посполитой создавать свое «государство в государстве», безусловно, лояльное Вене.

Нарождающаяся украинская интеллигенция активно сопротивлялась ополячиванию и онемечиванию. В 1868 году во Львове было создано культурно-образовательное общество «Просвіта – Просвещение», быстро организовавшее в Галичине и Волини множество филиалов, издававшее на украинском языке книги, газеты, журналы, открывавшее библиотеки, клубы, читальни, проводившее музыкальные вечера, лекции, благотворительные концерты. В процессе объединения всех украинцев в единое целое галичанская и волынская интеллигенция постоянно сталкивалась с противодействием польской шляхты.

В 1869 году польский язык в украинской Галичине стал официальным, с молчаливого согласия Вены были полностью колонизированный чиновничий аппарат и вся система образования. Правящий польский слой открыто заговорил, что Галичина должна стать тем «польским Пьемонтом», из которого почему-то начнется возрождение Речи Поспо-

литой.

Вена не официально, но отчетливо заявила довольной Варшаве: «Вопрос о том, будут ли существовать украинцы и в какой мере, оставляется на суд галичанского сейма», в котором в подавляющем большинстве заседали поляки. Само собой, гоноровые панята тут же заявили, что никакой украинской нации нет, а есть только польская этническая подгруппа: «Не существует ни какой Украины, есть только Польша и Московия».

К концу XIX столетия в Восточной Галичине детей учили в ста польских и только в шести украинских классических гимназиях, по одной на полмиллиона украинцев. Начальных четырехклассных школ было вчетверо раз меньше, чем польских. Имперская Вена финансировала украинскую культуру в десять раз меньше, чем польскую.

На Западной Украине все чаще стали вспоминать революцию Богдана Великого. Интеллигенция Галичины и Волыни начала искать международных союзников в освободительной борьбе и тут же, вместо того, чтобы объединенными усилиями добиться у Австро-Венгрии политических прав, разделилась на русофилов, народников и радикалов. В Вене и Варшаве с удовольствием повторяли: «Где два украинца – там три гетмана».

В Восточной Галичине, несмотря ни на что, большим тиражом стала выходить украинская газета «Слово», появи-

лись журналы «Вечорниці» и «Цель», активно заработало издательство «Галицко-русская матица». Те же шестьдесят студентов Львовского университета, которые в 1868 году открыли знаменитую «Просвіту», через пять лет после нее организовали и литературное общество имени Тараса Шевченко, которому через двадцать лет предстояло стать неофициальной украинской академией наук.

В ответ на оживление украинской общественной жизни в 1879 году Варшава разрешила заседать в Галичанском сейме уже не двадцати украинцам, а только трем из ста пятидесяти депутатов, что составляло только два процента от их общей численности. На следующий год украинские интеллигенты собрали свой первый съезд, Великий Сбор, на который со всей Западной Украины съехались две тысячи делегатов, говоривших о положении в обществе и народных нуждах. Противостояние польских верхов и украинских низов быстро росло и обострялось.

В 1876 году талантливые украинские студенты Иван Франко и Михаил Павлик на народном говоре стали издавать журнал «Друг», возглавили левых оппозиционеров, говоривших о независимости Украины, и тут же попали под суд. Аккуратное в выражениях культурное общество «Просвіта» с помощью украинских учителей и священников продолжало создавать на Западной Украине библиотеки и читальни, в которых замученные безысходной работой селя-

не несмотря ни на что учились грамоте, слушали лекции, обсуждали политические и социальные проблемы. При библиотеках и клубах организовывались различные кружки, хоры, спортивные группы и общества, хозяйственные кооперативы, в которые из шинков пошел народ, услышавший, наконец, о том, что есть места, где можно говорить о национальном самосознании. К началу XX столетия «Просвіта» имела почти восемьдесят региональных отделений, три тысячи библиотек и читален, которые посещали ее двести пятьдесят тысяч членов, быстро становившихся высокообразованными людьми.

В 1892 году во Львове литературное Шевченковское общество было преобразовано в Научное общество имени Тараса Шевченко, быстро набиравшее общественный академический вес. В составе общества работали историко-филологическая, филологическая, математическая, медицинская секции, отделение естествознания и больше двадцати научных комиссий, занимавшихся широким кругом проблем. У Львовского Научного общества открылись библиотека, музей, своя типография издавала труды собственных членов в периодических «Записках», печатала исторические, философские, правовые, социально-бытовые, научные журналы и трактаты, произведения украинских писателей.

Галичина и Волынь открыто обсуждали конфликт польской шляхты и украинской интеллигенции, случившийся во Львовском университете. Из тысячи семисот студентов пять-

сот украинцев могли учиться только на факультете богословия и права, с преподаванием, само собой, только на польском языке. Украинское общество с трудом смогло выдвинуть из Вены вакансию на одно профессорское звание на кафедре истории Украины. Профессором в отчаянной борьбе с гонимыми доцентами все-таки стал двадцативосьмилетний украинский ученый Михаил Грушевский, вскоре по-разному прославившийся своими работами во главе с многотомной «Историей Украины – Руси» и председательством в Центральной Раде Украинской Народной Республики.

На всех этнических украинских землях интеллигенция вывела обсуждение национальных проблем в народ. В 1894 году были основаны массовые юношеские украинские спортивно-противопожарные общества «Сокол» и «Сечь», в начале XX века, имевшие тысячу территориальных отделений и более тридцати тысяч членов. Организованные «Просвітой» многочисленными кооперативные, страховые, кредитные союзы с десятками тысяч членов вышибали еще более многочисленных польских посредников из украинской торговли и сферы услуг, популяризировали современные методы хозяйствования. В 1909 году на сорокалетний юбилей «Просвіти» Центральный союз украинских кооперативов провел съезд, на котором восемьсот молодых интеллигентов обсудили проблемы развития украинского народа. О съезде написали восемьдесят украинских периодических изданий, среди которых к популярной газете «Слово» добави-

лась быстро набравшая тираж газета «Дело». К тому времени на Галичине и Волыни были созданы и заработали немногочисленные, но влиятельные украинские политические партии.

В 1890 году Иван Франко и его товарищи создали политическую организацию, которая стала пропагандировать научный социализм. Созданная русско-украинская радикальная партия объединяла социализм и украинские национальные проблемы, впервые с середины XVII века выдвинув лозунг политической независимости Украины, начав с полной автономии в составе Австро-Венгрии.

Партию тут же начали сотрясать дрызги и распри, и Иван Франко, народники Евгений Левицкий и Владимир Охримович в 1899 году организовали Украинскую национально-демократическую партию, объявив ее главной целью получение государственной независимости Украины. Поддержка УНДП «Просвітой» быстро сделала ее массовой. Франковцев поддержала и Украинская греко-католическая, униатская церковь во главе с митрополитом Андреем Шептицким (1865–1944).

В том же 1899 году была создана Украинская социал-демократическая партия, также быстро ставшая популярной. Обе партии стали проводить по селам сборы – вече, на которые собирались до двадцати тысяч селян. Интеллигенция стала называть Галичину «новым Пьемонтом», в котором на-

чалось возрождение украинской государственности, и польская шляхта сильно расстраивалась, видя, как быстро росли контакты пяти миллионов западных и двадцати миллионов восточных украинцев. Гонимое панство пыталось перевести информационную войну с украинской интеллигенцией в прямую конфронтацию, планируя загубить национально-украинский урожай на корню. У него получилось первое, но ничего не вышло со вторым.

Украинский и польский демократы Иван Франко и Феликс Дашинский с товарищами совместно пытались противостоять brutальному шовинизму шляхты, призывая селян и рабочих всех национальностей к общему сотрудничеству, но были намертво заблокированы врагами объединения работающих против бездельников. Польская шляхта и украинская интеллигенция повели яростную борьбу в Львовском университете, институтах, селах и на выборах.

В 1902 году сто тысяч отчаявшихся выживать украинских селян начали бойкот жатвы в больших имениях. Несмотря на сотни арестованных, его остановить не удалось. Польские помещики, чтобы не потерять урожай, сквозь крошившиеся от жадности зубы были вынуждены поднять оплату тяжелейшего сельского труда с неменяемой до выживательной. Ни в Вене, ни тем более в Варшаве не захотели понимать, что в политическую борьбу за свои отнятые права вступили сотни тысяч украинцев, потому что высшие властные монархи-

ческие структуры в силу своей посредственности ничего не видели дальше своего ленивого носа.

Постоянные протесты сотен студентов, требовавших вести преподавание во Львовском университете не только на польском, но и на украинском языке, не привели ни к чему. Украинское общество на многочисленных митингах и через немногих депутатов в австрийском парламенте потребовали открытия своего национального университета. В лекционных залах львовской альма-матер польские и украинские студенты дрались дубинами, но Варшава традиционно уперлась и молодые галичане стали массово покидать университет, уезжая на учебу в Европу.

Голоса на выборах в венский парламент и польский сейм подсчитывали только польские комиссии. Протесты украинцев по поводу фальсификации многоступенчатых «кровавых выборов» 1895 и 1897 годов были подавлены силой. Обильно вооруженная польская полиция с привычным удовольствием заколола штыками десять протестующих, еще тридцать тяжело ранила, а восемьсот митингующих с кровавым мордобоем арестовала.

В знак протеста против фальсификации выборов украинский студент Ярослав Сичинский в 1898 году застрелил польского губернатора Галичины Анджея Потоцкого. Гоноровая шляхта обрадовалась и тут же создала ультранационалистическую Польскую национал-демократическую партию

Романа Дмовского, которая уверенно объявила на всю бывшую когда-то государством Польшу, что безнаказанному ее господству в украинской Галичине угрожают украинцы.

Десятки тысяч украинцев участвовали в русской революции 1905–1907 годов. Справедливо опасавшаяся народного взрыва и в своей лоскутной империи Австро-Венгрия вынуждено слегка реформировала свою выборную систему, и в 1907 году в Галичине впервые были проведены выборы, а не ангажированное голосование по сословным куриям. Во львовском сейме вместо трех стали заседать тридцать украинских депутатов, а в венский парламент – Государственный совет – прошли двадцать семь украинцев, что, конечно, не отражало реального положения в обществе, но все-же было лучше, чем ничего.

Конфронтацию польской шляхты и украинской интеллигенции на четыре года вроде бы прервала Первая мировая война, в которой из шестидесяти пяти миллионов дравшихся солдат тридцати четырех стран десять миллионов погибло, а каждый второй был ранен. Потери мирного населения Гогенцоллернов, Габсбургов, Романовых и примкнувших к ним султанов волновали на много меньше, чем утрата пушечного мяса, но от этого они не были менее ужасны.

Более четырех лет центральные державы из Германии, Австро-Венгрии и Турции на самоуничтожение воевали со

странами Антанты в составе Англии, Франции, России и США. В 1918 году четыре казавшихся мировыми империи прекратили, наконец, свое убийственное существование и мир ненадолго, а затем навсегда, стал другим.

Уже на третий день Первой мировой войны украинские партии во Львове создали Всеобщую Украинскую Раду во главе с Константином Ловицким. Совет объяви, что «чем большее поражение получит Россия, тем ближе станет час освобождения Украины». Будущий диктатор Юзеф Пилсудский, пытаясь восстановить независимость Польши, создал Польский легион, поначалу принявший участие в войне в составе австро-венгерской армии. Всеобщая Украинская Рада так же пыталась создать свою будущую армию в виде Украинского легиона, в котором захотели воевать тридцать тысяч молодых украинцев из организаций «Сокол», «Пласт» и «Сечь», но Варшава продавала в Вене решение о создании только корпуса украинских сечевых стрельцов из двух тысяч пятисот солдат. Остальных добровольцев определили в обычные «лоскутные» войсковые части.

Четверть миллиона украинцев армии Австро-Венгрии вынужденно воевали против четырех миллионов украинцев армии Российской империи. Западная и Восточная Галичина, в которой фронт несколько раз проходил и через бандеровский Угринов, стала ареной длительных и ожесточенных боев, которые привели к ее опустошению, разрушению

и страшным потерям среди мирного населения.

В самом начале войны русская армия выбила австрийцев из Галичины. Чтобы не показывать миру, что причиной поражения была монархия Габсбургов, Вена объявила виновниками поражения массово сочувствовавших русским украинцев, которых начали убивать сотнями без суда и следствия и тысячами бросать в концентрационные лагеря. Только в имперском лагере Талергоф из тридцати тысяч заключенных погибла совсем не одна украинская тысяча.

После занятия Галичины русскими войсками по царскому приказу из Петербурга там тут же было создано генерал-губернаторство, и приехавшие из романовской империи чиновники начали массовые преследования украинских патриотов, эшелонами в неменяемых условиях отправляя их на крайний Север и Дальний Восток России. Достоинно и твердо державший себя митрополит Андрей Шептицкий за защиту галичанского населения от репрессий был отправлен в суздальскую ссылку. Императорский Санкт-Петербург объявил Галичину «древней русской землей», но почему-то совсем ненадолго, потому что уже в мае 1915 австрийское контрнаступление отбило разграбленную и опустошенную Галичину назад.

Та самая Петлюровщина

Министр иностранных дел Российской империи, которой осталось жить не многим более одного года, радостно заявил, что «теперь настал удобный момент, чтобы раз и навсегда освободиться от украинского движения». К тому времени русская армия уже потеряла миллион солдат убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести из-за позорно неквалифицированного управления назначаемыми самодержавием бездарными командующими войсками, общей военно-технической отсталости от Европы и всеобщей коррумпированности чиновников-снабженцев.

К 1917 году в действующую армию Российской империи мобилизовали почти половину трудоспособного мужского населения страны, в результате чего резко снизилось производство продовольствия и промышленных изделий, а цены выросли в разы. Под ружьем находилось пятнадцать миллионов бывших крестьян, обученных обращению с оружием и убийству, что для многих стало привычным рутинным делом.

Поняв, наконец, что самодержавие так и будет отправлять невинных ни в чем людей на тот свет миллионами, оставляя их семьи на нищенское прозябание без кормильцев, народ во главе с буржуазными и революционными партиями взорвался и восстал, в условиях тотального кризиса

и неизбежного при этом хаоса совершив Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, временно развалив Российскую империю на национальные куски. В Западную Украину на австро-венгерское место тут же ринулась только что бывшая подневольной Польша, выкрикивая оккупационный клич «Речь Посполитая от моря до моря!»

Как суверенное государство Речь – Жечь Посполитая перестала существовать после прусско-австрийско-российских разделов 1772, 1793 и 1795 годов.

Шляхетская республика с избираемыми монархией и сеймом представляла собой формальную демократическую систему с XVI века. Власть совсем не находилась в руках всего польского дворянского сословия, составлявшего десятую часть населения страны. Богатейшие магнаты и могущественные королята без напряжения покупали голоса шляхетных депутатов сейма и сеймиков, являющихся по конституции законодательно-исполнительными органами Речи Посполитой. К высшей государственной власти попеременно приходили соперничавшие клики магнатов, успешно доламывая польскую государственность своим совсем продажным правом *liberum veto*, по которому любой из сотен депутатов сейма мог, кто бы мог подумать, запросто сорвать его нужное для страны решение, которые принимались только единогласно. Желających заработать на убийстве державы среди гонорового шляхетства находилось все больше и боль-

ше, и такса срыва сейма упала до совсем небольших шестисот злотых за раз. Вместе с продажным в пень сеймом анархию и хаос в псевдо республике доводили до невозможного предела и так называемые «конфедерации», в которые по инспирированным заказам короля и его придворных холоуев объединялись группы вооруженной шляхты для очередного захвата власти с последующим перехватом финансовых потоков их заказчиками.

Шляхту, в основном занимавшуюся поставками дарового для них зерна в Европу не интересовали ни те «хлопы», которые его бесплатно производили, ни многочисленные полунезависимые местечки с теоретической промышленностью повседневных товаров, ни даже крупные города с их магдебургским правом внутренней и внешней почти свободы. После захвата турками в 1453 году Константинополя проход проливов Босфора и Дарданелл стал слишком дорог для европейских товаров. Для изменения направления главных мировых торговых путей путешественники и морские экспедиции из Европы совершили великие географические открытия. Внешняя торговля, основа благосостояния государства, стала развиваться по новым дорогам, и польские города на «мировых проселках» уже не были такими богатыми, как раньше, а значит, с ними можно было и не очень считаться. По приказу очень любивших много денег магнатов шляхта только под себя монополизировала сырьевую внешнюю торговлю, запретила купцам прямой вывоз товара, вынуждая их

брать себя в посредники, сделала цены неконкурентоспособными на внешнеторговом рынке, ввела для себя беспошлинный ввоз заграничных товаров и готовых изделий и тем самым наглухо закупорила пути развития национальной промышленности и ремесел.

Само собой, при таком поведении правящего слоя для страны дело закончилось потерей суверенитета. По инициативе и под давлением прусского короля Фридриха II после разделов Речи Посполитой Пруссии отошли земли по нижнему течению Вислы, Познань, Данциг-Гданьск, Торн, области Варшавы, Белостока и северные земли от нижнего течения от Западного Буга. Австрия получила территории по средней Висле, польскую и украинскую Галичину, Россия – Беларусь, Литву, Курляндию, Волынь и Подолию.

В 1807 году французский император Наполеон на западных польских землях ненадолго восстановил Великое Варшавское герцогство, но в 1815 году Польша вновь была разделена между Пруссией, Австрией и Россией, которое в своем составе образовало так называемое Царство Польское.

После неудачных восстаний 1830, 1846, 1848, 1863 годов, в которых участвовало совсем не все население бывшей Речи Посполитой, Царство Польское исчезло, а польские земли из восьми воеводств были переименованы в русифицированные губернии Российской империи.

Тяжело дышавшая под гнетом самодержавного царизма варшавская Польша не оставляла надежды на возврат неза-

висимости, но не забывала оглядываться и на австрийскую Галичину, где региональную власть уверенно держали краковские поляки, получив ее за преданность Габсбургам. То, что в Восточной Галичине без каких-либо прав существует пять миллионов украинцев, ни Варшаву, ни Краков, ни Вену не интересовало. Дело житейское, последние три тысячи лет повторяющееся в нецивилизованных странах.

Польша сумела использовать крах Германской, Австрийской и Российской империй 1917–1918 годов для возврата своей государственности, к тому же чуть не в пределах ее границ 1772 года. Это заслуга целиком принадлежала будущему начальнику и диктатору государства Юзефу Пилсудскому, заслуженно называвшего польский сейм «партией шлюх и воров».

Родившийся в 1867 году в небогатой дворянской семье под литовским Вильно, Юзеф Пилсудский в двадцатилетнем возрасте был исключен из Виленского университета за участие в студенческих волнениях. Он перешел учиться в Харьковский университет, но в том же году был незаконно обвинен ненасытной к фальсификациям российской полицией в подготовке покушения на императора Александра Третьего.

Брат Юзефа Бронислав по просьбе петербургского студента-химика Александра Ульянова передал тому химикаты для опытов, которые были намного дороже в северной столице. Братья Пилсудские не знали, что сын штатского генерала

Ульянов член небольшой группы, называвшей себя «Террористическая фракция Народной воли». Петербургский студент и старший брат Владимира Ульянова-Ленина сделал три взрывных устройства, но ошибся в расчетах. Трех молодых «террористов» с неразрывающимися даже при сильном ударе о землю бомбами 1 марта 1887 года взяли на Невском проспекте, раздули из ничего огромное дело, казнили пятерых и репрессировали еще пятьдесят ни в чем не повинных студентов и их товарищей. Юзефа Пилсудского для повышения успешной полицейской отчетности ни за что сослали на пять лет в Сибирь, с запретом окончить университет и получить высшее образование.

Вернувшийся после отбытия всего ссыльного срока из Сибири Юзеф Пилсудский и его товарищ Казимир Грабовский в 1892 году создали Польскую социалистическую партию, ППС. *Polska partja socialistyczna* объявила, что будет бороться за независимость Польши, с помощью социал-демократических, марксистских, патриотических и сепаратистских методов.

В 1893 году Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский и Феликс Дзержинский создали конкурента ППС, партию СДК-Пил, социал-демократию Польши и Литвы. Обе партии дружно боролись против несправимого царизма в русской революции 1905–1907 годов.

Юзеф Пилсудский смог создать мощную нелегальную ор-

ганизацию, которая объединила большинство революционных польских рабочих. Амбиции ее вождей традиционно и быстро вызвали раскол ППС на два крыла. «Левица» ППС утверждала, что за свободу польские рабочие должны были бороться вместе с русскими пролетариями, а «Правица» ППС Юзефа Пилсудского сразу же стала воинственно националистической. Правая ППС стала называть себя «Революционной фракцией» и получила от населения прозвище «фраков». Она занималась боевыми акциями и экспроприацией банков, почт, поездов, которые не раз возглавлял сам командир «Правицы».

Под угрозой ареста Юзеф Пилсудский перебрался из российской Польши в австрийскую Галичину и без переживаний подружился с особыми службами генерального штаба австро-венгерской армии. «Правица» не расстраивалась от того, что ее могут назвать агентом Вены, а сам Пилсудский на оккупационные деньги создавал «стрелковые общества», которые должны были составить костяк будущей польской армии.

Осенью 1914 года в начале Первой мировой войны Пилсудский из членов «стрелковых обществ» развернул «Польский легион» из нескольких тысяч солдат, сражавшийся против России в составе австрийской армии. Австрийский генштаб предписал ему или увеличить «Польский легион» или влить польских солдат в австрийские дивизии. Пилсудский смог увеличить свою армию до трех бригад из пятнадцати

тысяч воинов и это было очень мало от всей Польши, хотевшей иметь свое значительное место на войне нескольких многомиллионных армий. Польские солдаты вынужденно воевали на всех фронтах и в течение 1914–1918 годов их погибло двести двадцать тысяч в австрийской, сто десять тысяч в немецкой и пятьдесят пять тысяч в российской армиях.

Несмотря на малочисленность «Польского легиона», бригадир Пилсудский смог успешно действовать, имея минимум средств и возможностей. Он понимал, что Центральные державы войну проигрывают, а значит, нужно перейти на сторону Антанты. Юзеф Пилсудский громко разругался с австрийцами и немцами, был ими, само собой, арестован и вместе со своими офицерами интернирован в прусской крепости Мальборг-Магдебург.

Немецкая и австрийская армии в наступательном порыве заняли российские польские земли. 5 ноября 1916 года в особом манифесте Берлин и Вена объявили о создании, конечно в каком-то там будущем «Польши, как независимого государства с наследственной монархией и конституционным строем». То, что для этого еще нужно выиграть невыигрываемую войну Гогенцоллернов и Габсбургов совсем не интересовало, но польским монархом, конечно, должен был стать кто-то из представителей этих бесконечных династий. При чем тут какие-то поляки?

В январе 1917 года заигрывавшие сами с собой имперские Берлин и Вена назначили из поляков «Временный государ-

ственный совет», а в сентябре сделали и «Совет регентов», теоретически представлявший будущего монарха Польши. Антанта в противовес в Париже создала свой «Польский Национальный комитет», который и признала официальным представителем польского народа после победы в Первой мировой войне в ноябре 1918 года.

В январе 1918 года американский президент Вудро Вильсон объявил свои «восемнадцать пунктов» послевоенного устройства Европы, тринадцатый пункт которых обещал «образование объединенного и независимого польского государства со свободным доступом к морю». 29 августа 1918 года победившие в российской революции большевики-ленинцы для ее спасения объявили о праве наций на самоопределение и самостоятельное государственное существование и аннулировали все договора о разделах Польши XVIII века. В ноябре 1918 года рухнули Германская и Австро-Венгерская империи, Юзеф Пилсудский вырвался из Мальборга и рванул в Польшу. 14 ноября в Варшаве «Совет регентов» передал популярному в стране политику-налетчику свою власть, опередив на несколько дней приезд парижского Польского Национального комитета.

Юзеф Пилсудский декретом объявил себя «начальником государства» и назначил новое правительство из ППСовцев и «вызволенцев» – крестьянских представителей, во главе с Е. Мрачевским. 10 февраля 1919 года польский сейм, избранный всеобщим народным голосованием, подтвердил

за Пилсудским титул «начальника государства» до принятия конституции. 24 февраля пилсудскую Польшу признала Франция, 25 февраля Англия, 27 февраля Италия. К тому времени на огромной европейской территории давно шла яростная гражданская война, которой, казалось, не было видно никакого конца. Юзеф Пилсудский, мечтавший восстановить Польшу как Вторую Речь Посполитую от Балтийского до Черного морей, обратил свой взор «начальника государства» на украинские земли, без которых его планам было злотый цена. От Днепра ему то – ли грозил кулаком, то ли махал рукой «директор государства», называвшегося Украинская Народная Республика, Симон Петлюра, за спиной которого так же расположилась и совершенно самостоятельная Западно-Украинская Народная Республика.

Симон Петлюра родился в мае 1879 года в российской украинской Полтаве в казацкой семье, приписанной к мещанскому сословию. В десять лет он поступил в начальную духовную школу, Полтавскую бурсу, а после ее окончания в 1895 году в Полтавскую семинарию. Во время учебы в семинарии он прочитал брошюру «Независимая Украина», в которой созданная в 1900 году Революционная Украинская партия объявила о своей борьбе за независимость Украины. РУП в конкурентной борьбе с образованными в 1902–1905 годах Украинской Народной партией и Украинским социал-демократическим союзом быстро становилась лиде-

ром революционного движения на Днестре. Способы борьбы с ни о чем не думающим царизмом РУП признавала любые, включая насильственные: «кто не с нами, тот против нас, победим или погибнем, Украина для украинцев».

В 1900 году Симон, приглашавший на беседы со своими друзьями опальных оппозиционеров, был от семинарии выбран делегатом всеукраинского студенческого съезда и конференции РУП, за что его тут же исключили с последнего учебного курса, что было совсем большой редкостью для религиозных школ того времени. Петлюра работал на Кубани учителем, в середине 1903 года за публикации острых статей в нелегальных изданиях был арестован и просидел в тюрьме до марта 1904 года.

После освобождения Симон занимался журналистикой в Киеве и Львове. К тому времени Революционная Украинская партия раскололась на три группы и Симон Петлюра вместе с молодым литератором Владимиром Винниченко организовали Украинскую социал-демократическую партию с марксистской идеологией, но не связанной организационно с РСДРП Ульянова-Ленина.

В революционном 1905 году была создана Украинская радикальная демократическая партия, в 1907 году появились группы украинских эсеров, в 1908 году – общество украинских постепенцев, требовавших украинской автономии и конституционной демократии, но в составе Российской империи.

В Восточной и Западной Украинах не было правых и консервативных партий, похожих на российских кадетов и октябристов, но только левые и демократические. Большую роль в этом сыграл выдающийся украинский общественный деятель Михаил Драгоманов (1841–1895), дядя волшебной поэтессы Леси Украинки.

После окончания Киевского университета Драгоманов преподавал во Второй киевской гимназии, в 1870 году стал доцентом в своей алма матер, сотрудничал с Иваном Франко, Николаем Лысенко, в 1875 году за политическую деятельность был уволен со службы. Он уехал за границу, в Женеве организовал Вольную украинскую типографию, издания которой широким веером разлетались по обеим Украинам, во главе с журналами «Громада» и «Вольное слово». С 1889 года Михаил Драгоманов служил профессором Софийского университета, где и написал ставшую всенародно известной книгу «Чудесные мысли об украинском национальном деле», в которой умно и доказательно призывал бороться за свободу против самодержавия все угнетенные им народы и это было очень правильно.

Симон Петлюра редактировал журнал «Свободная Украина» в Петербурге, журнал «Украинская жизнь» в Москве, в которых печатал Дмитрия Донцова и Михаила Грушевского, газету «Рада» в Киеве, много публиковался в украинской

прессе.

Во время Первой мировой войны Петлюра работал в «Союзе земств и городов», который занимался добровольным снабжением армии и помогал населению прифронтовой полосы. Февральская революция 1917 года в России круто изменила его судьбу, ставшую навсегда связанной с судьбой Украины.

Известие об отречении императора и приход к власти в России Временного правительства не сразу вызвало на Украине появление собственной, национальной власти. 17 марта из представителей многочисленных партий, имевших диаметрально противоположные цели, была сформирована законодательная Центральная Рада и ее правительство – Генеральный секретариат. Однако власть на Украине принадлежала не только Центральной Раде, но и Исполнительному комитету Временного правительства России, а еще и революционному Киевскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

На громадной территории рухнувшей Российской империи началась драка и война всех со всеми за национальную независимость ее составных частей и социализм. Никто еще, кроме грабивших все и вся мародеров и дезертиров, толком не понимал, что такое «марксизм в натуре» и даже идеолог большевизма Владимир Ульянов-Ленин спокойно заявлял, что «мы не знаем, каким будет социализм и сказать этого не можем».

19 апреля 1917 года тысяча делегатов Всеукраинского национального конгресса санкционировала создание Центральной Рады. Они выбрали сто пятьдесят ее членов и утвердили председателем знаменитого историка Михаила Грушевского. Историки – теоретики не должны управлять государствами, а только могут готовить информационное поле для принятия решений опытными политиками-практиками, не путающими реальную действительность с фантастической и недостижимой. К сожалению, великолепный знаток истории Европы Михаил Грушевский не отказался от непосильной исторической ноши, но не это было самое страшное.

Во главе Генерального секретариата Центральной Рады был поставлен Владимир Винниченко, никакой, а поэтому популярный литератор. Этому не имевшему обоснованного политического опыта человеку с непомерными, а значит чрезвычайно опасными для других амбициями, большому любителю детски поставленных политических интриг, в которых он реально абсолютно не разбирался, и в голову не пришло отказаться от не его власти и это стало трагедией второй украинской революции.

Центральная Рада была поддержана тысячами делегатов Всеукраинского национального конгресса, военного съезда, Украинского съезда селян и съезда рабочих. На романтической волне революционного подъема она смогла отодвинуть на время от власти на Украине представителей российского

Временного правительства и даже большевиков Ленина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.